

ВАЛЕНТИН БАДРАК

7 злых гениев,
шокировавших мир

CF FOLIO

Валентин Бадрак

7 злых гениев, шокировавших мир

«Фолио»

2010

Бадрак В. В.

7 злых гениев, шокировавших мир / В. В. Бадрак — «Фолио»,
2010

Эта книга даст вам исчерпывающую информацию о внутреннем мире самых известных в истории нашей цивилизации убийц, насильников и разрушителей. Вы будете знать всё о низменных побуждениях человека.

© Бадрак В. В., 2010
© Фолио, 2010

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
Калигула	9
Нерон	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валентин Бадрак

7 «злых гениев», шокировавших мир

(Ужасающая правда о жизни тиранов)

Все в мире диктаторы порождены нами самими. Мы порождаем их в надежде переложить на них ответственность. Миллионы людей не могут обойтись без указок сверху – они дезориентированы. Но в тот миг, когда мы отдаем ответственность в чьи-то руки, мы теряем душу.
Восточный философ Ошо

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Калигула, Нерон, Чингисхан, Иван Грозный, Гитлер, Сталин, Саддам Хусейн...

Все они пришли к своему новому облику путем постепенного и последовательного нарушения установленных обществом правил; первым и самым действенным разрушением для всех их было разрушение созданных предшествующими поколениями табу. Шаг за шагом, вступая в область недозволенного, увлекаемые раздражителями беспокойного детства, они шли к своему абсолюту – часу, когда разрешено все, когда сокрушение всего мира становится доступным и возможным. И они тайно упивались этой открывающейся возможностью разрушений устоев, как неисправимые пьяницы непомерными дозами алкоголя. Они так утверждались, приобретали сомнительную славу и эфемерное признание, двигаясь быстрыми широкими шагами навстречу неминуемой гибели. Прикосновение к темным, низменным сторонам человеческого бытия на фоне абсолютной доступности и неограниченной власти привело к рождению антигероев. Безбрежная свобода, от которой они хмелели, неизменно заводила их в безжалостные тупики, откуда оставался только один путь – в Ад.

Соприкосновение с насилием и агрессией, особенно в раннем возрасте, порождает устойчивое желание испытывать ощущение насильника, убийцы или истязателя снова и снова, не покидая человека до самой смерти. Увидев, а затем и прочувствовав грани безбрежной власти, человек оказывается зараженным ею, причем в большинстве случаев эта болезнь неизлечима. Одним из основных раздражителей для будущих демонических личностей и, быть может, одним из наиболее важных пунктов в формировании их мотивационных аномалий является тот факт, что они слишком рано пролили кровь и почувствовали близость смерти. Те, кто в раннем возрасте совершил убийство, а до того нередко присутствовал при истязаниях или сам оказался объектом мучителей, обязательно стремились оказаться в роли угнетателей, отомстить всему миру или просто самим испытать приторную сладость греха насилия или убийства.

Ущербность, уязвленное самолюбие и следующая за ними по пятам ненасытная жажда мести или признания на иррациональном поприще очень часто, если не в большинстве случаев, связаны с прохождением человека через унижение в то время, когда его личность находится на этапе формирования. Это могут быть физические страдания, сознательно вызванные кем-то из окружения в раннем возрасте, но подобное воздействие оказывает психологическое отторжение социумом, к которому человек изначально принадлежал, или унижение сексуального характера. Страсть к насилию и разрушению так или иначе связана с испытанием их в качестве объекта таких действий или увиденными вблизи проявлениями необузданной агрессии. Порой в качестве наблюдателя восприимчивая натура может получить такую дозу «облечения», что заставит испытывать не меньшие душевные потрясения и сопереживания с происходящим, осуществляя впоследствии перенос этих событий (другими словами, воспринимая

действие по отношению к другому в качестве раздражителя, направленного на себя). Часто деструктивные импульсы формируются целым комплексом взаимосвязанных причин, в которых, так или иначе, имеется подтекст унижения и ущемления, вызывающий деформацию личности и существенные изменения восприятия окружающего мира. Это такая мощная и неожиданная детонация души, которую французский психолог и психиатр Пьер Жане определил как шоковые эмоции, то есть такие потрясения вследствие внешних происшествий, которые не только являются по сути неординарными для неподготовленной юной натуры, но и действуют как провоцирующие, вовлекающие в действие раздражители. Эти эмоции, потрясая все имеющееся доселе представление о мире, являют собой мощную дезорганизирующую, разрушительную для личности силу. Они становятся факторами, противоположными воле и вниманию. П. Жане отмечает, что охваченный такими эмоциями человек становится «как бы ниже самого себя». При этом эмоция, трансформирующаяся в эмоциональное расстройство, может повторяться и даже длиться годами.

Чтобы понять, можно ли на самом деле управлять деструктивным в человеке, необходимо честно и объективно ответить на вопрос: как могло произойти, что многие деструктивные личности, разрушители, насильники и откровенные убийцы были признаны широкими массами? И не является ли их приход в мир скрытым отражением наших общих ожиданий?

Всесторонне исследуя личность Гитлера, американский ученый Вальтер Лангер сделал следующее замечание: «С научной точки зрения, мы вынуждены считать фюрера не просто дьяволом в своих действиях и философии, а неким выражением состояния ума, присущего миллионам людей не только в Германии, но, в меньшей степени, во всех цивилизованных странах». Действительно, иногда кажется, что природа масс такая же садомазохистская, как и природа части людей, ибо массы легче поддаются негативному влиянию, чем вдохновляются на какое-нибудь выдающееся дело. Часто осуждаемое обществом иррациональное является не чем иным, как детонацией желаний и ощущений тех, чьи первичные биологические потребности подавлялись на протяжении многих тысячелетий. Именно отсюда проистекает подсознательная готовность масс вершить прикрываемое идеологией или государством насилие, о чем достаточно было сказано выше.

Калигула явил миру «образцовый распад личности», неминуемо происходящий под воздействием совокупности повторяющихся раздражителей. Родившийся в одной из лучших семей Римской империи, стимулируемый безнаказанностью, поощряемый раболепным окружением, он дошел до предела падения человеческого. Император, проживший всего двадцать девять лет и бесславно правивший Римом лишь неполные четыре года, он сумел обратить на себя внимание потомков своей крайней жестокостью, диким нравом и развратностью. Убийства, насилие, мотовство и откровенный грабеж ближнего стали при Калигуле нормой жизни римского общества. Но даже не эти чудовищные побуждения звериной природы императора стали объектом всеобщего внимания и удивления. Его современников и потомков больше всего шокировало потрясающее и обескураживающее незамысловатостью перевоплощение покладистого и терпеливого молодого человека, с дежурной улыбкой на устах сносившего подковырки всемогущего императора Тиберия, в настоящее исчадие ада.

Нерон – одна из наиболее ярких деструктивных личностей в истории нашей цивилизации. Он маскировал под маской гнусного матерубийцы аморфность духа, слабость воли, женственный характер и подавляющую его неспособность развивать творческое, созидательное начало. Однако то, что сам Нерон слыл далеко не глупым человеком и к тому же был прекрасно образован, заставляет нас заняться поиском ответа на вопрос, не было ли его поведение сознательной и четко отработанной стратегией, направленной на то, чтобы ее автора человечество запомнило навсегда. Ведь и почти через две тысячи лет после его появления на свет многие с волнением вникают в подробности его частной жизни и поражаются, как современное Нерону

общество допустило такую вопиющую свободу одного чудовища, способного надругаться над свободой всех остальных.

Чингисхан запечатлел в своем облике поступательную трансформацию личности, идущую навстречу черной бездне. Вереница затеянных им убийств, оказавшихся безнаказанными, сделали его крупнейшим разрушителем в истории. Страх и смерть, извечные возбудители человеческой психики, прочно связаны с личностью Чингисхана и притягивают взгляды к его деятельности даже через тысячу лет. С точки зрения целостного восприятия, личность Чингисхана в силу инфантильности и извращенности ориентиров цивилизованного человека могла быть отнесена к числу патологически неполноценных, в которых животные инстинкты доминируют над характерными для человека принципами существования. Но говоря же о Чингисхане, невозможно игнорировать существование в его время и в его среде (сформированной задолго до появления самого Чингисхана) системы ценностей, которая во многом предопределяла поведение того, кто намеревался стать лидером. В этом смысле деструктивная ориентация Чингисхана может быть оправдана, особенно если вспомнить, что жестокость порой направлялась на объединение племен и создание из хаоса единой общности людей с идентичными интересами.

Иван Грозный дошел до такого звериного состояния, когда смерть и насилие стали приносить ему состояние удовлетворения. В мировой истории трудно найти схожего с ним маньяка, как, пожалуй, сложно найти такого же изобретательного изверга, который лично наслаждался бы уничтожением столь громадной массы безропотно принимающих смерть людей. Российский самодержец, кажется, впитал в себя все худшие человеческие черты, «прославившись» вовсе не великими делами и удавшимися государственными реформами, а методичным истреблением лучших представителей своего народа, дикими пытками и неуклонным стремлением прикоснуться к смерти, жадной подчинить потусторонний мир. Историки, справедливо сравнивающие Ивана IV с самыми жестокими правителями средневековой Европы, тем не менее сходятся на мысли о том, что не было равных «московскому палачу».

Сталин – крупнейшая деструктивная личность XX века. Любопытно, что и более чем через полстолетия после смерти Иосифа Сталина многие откровенно восхищаются его угрюмой фигурой и тихой поступью дьявола, обволакивающего души призрачной пеленой фарса, игрой на костях миллионов, искусительной иллюзией всеобъемлющей власти над миром. И если образы вождей, подобных Сталину, все еще кого-то пленяют и манят, значит, мощная волна деструктивного способна снова и снова сокрушать мир, а человек, создавший космические корабли и проникший внутрь атома, так и не научился усмирять этого, пока еще самого сильного и самого неумолимого зверя... При изучении отдельных технологий и ловких тактических шагов этого дьявола от политики наиболее важным для потомков должно стать понимание того, каким образом чума деструктивного, порожденная небольшой группой одержимых, способна привести к безраздельному властвованию над массами и сделать бессильными целые народы.

Гитлер – темный демон, патологический разрушитель, неисправимый, неизлечимо больной маньяк XX века. Хотим мы того или нет, но физически слабый, духовно бедный, психически неполноценный человек, пораженный паранойальным стремлением к власти, сумел навязать свою демоническую идею миллионам, полностью перекроить карту Европы и создать условия для геополитических изменений планетарного масштаба. Для живущих после этого мрачного исторического феномена крайне важно постичь как истоки этой удушающей для мира мотивации, так и глубинные причины удручающей податливости масс. При объективном рассмотрении создатель Третьего рейха предстает перед беспристрастным взором не только, и не столько мистическим сгустком энергии и воли, упрямо устремленной к смерти, но и сомневающимся и вечно ищущим в себе, пугливом маленьком человеке, черты черного гения и бессмертного воителя. И самое главное – он предстает непрерывно анализирующим события,

непрестанно учащимся, постигающим законы развития и плетущим свою гигантскую смертельную паутину, человеком-пауком, который рассматривает себя не только как часть политического процесса, а как главного регулировщика этого процесса. Так стоит ли во всем винить фюрера, ведь это унылое и аморфное человечество в своей беспечной спячке прозевало взрывание нарыва чудовищной силы, прорвавшегося вулканическим потоком крови и скорби.

Саддам Хусейн, как и большинство тиранов, является хорошо вызревшим плодом самой тирании. Выживая в обстановке репрессий, сопутствующих борьбе за власть, бескончаемых переворотов, сопровождающихся массовыми убийствами и насилием, он, кажется, попросту не мог быть другим. Он воспринимал власть как свою главную и единственную цель. На первый взгляд, Саддам мало чем отличается от множества других людей, которые потратили свою жизнь на достижение и удержание власти в Багдаде. Но если судить о каждом из иракских правителей, древних и современных, не только по актам жестокости и агрессии, то Саддам может оказаться даже более коварным, более гнусным, чем большинство этих деспотов. Иными словами, окажись этот человек в компании других беспринципных правителей-убийц, он вполне мог бы претендовать на то, чтобы возглавить их. Хотя так же верно, что Саддам органично вписывается в историю Ирака, которая по большей части представляет собой кровавую летопись, перечень вероломных захватов власти, адских пыток, публичных казней и погромов. И не будь Хусейн по своей природе палачом и агрессором, он никогда не сумел бы вырвать власть из рук других злодеев.

Калигула Гай Цезарь (сентябрь 12 года – 24 января 41 года)

Римский император (37–41 гг.), символ разнузданности и разложения человеческой личности под влиянием неограниченной власти

*Пусть ненавидят, лишь бы боялись.
Слова, которые часто повторял Калигула*

Что представляет собой образ Калигулы в восприятии современного человека? Калигула короткой вспышкой животного естества, ужасающей стороны своего второго, до времени тщательно скрываемого «я», открывшегося благодаря неограниченной власти и уверенности в безнаказанности, продемонстрировал мрачную трансформацию личности. Он как будто носил маску и изображал человека, которым никогда не был. И лишь получив право повелевать и удостоверившись в действии этого права, он начал осторожно снимать привлекательный для окружающих камуфляж; пока не обнажил свою страшную суть.

Пожалуй, именно это превращение больше всего интересовало исследователей. Но слабости человека, как и его сила, сосредоточены в нем самом, и ему никуда не убежать от самого себя. Именно поэтому стоит попытаться понять, было ли появление Калигулы проявлением неких демонических сил или люди сами позволили выпустить деструктивное наружу через образовавшиеся бреши в душе одного из представителей человеческого рода. И, может быть, Калигула был одним из тех злоецих предупреждений человечеству, поучительным намеком и призывом Природы, который должен заставить Человека узнать все о своих деструктивных импульсах и управлять ими.

Детство: калейдоскоп кошмаров

Гай Калигула родился в самой, пожалуй, именитой и популярной семье наследников власти за всю историю императорского Рима. Гай Германик и Агриппина Старшая не только демонстрировали образцовые отношения мужа и жены в начавшем разлагаться римском обществе, но и были надеждой сограждан. Многим казалось, что они сохранили республиканский дух свободы, и в душливой и пропитанной страхом атмосфере, царящей в империи Тиберия, возник манящий сладкий миф о возможном возрождении прежних традиций. В молчаливой ухмылке живущего в своем странном мире человека мало кто мог рассмотреть будущего тирана и организатора диких оргий. Чтобы не видеть свою властолюбивую мать, неприязнь к которой с годами все возрастала, император построил свою личную резиденцию на острове Капри, где тихо сходил с ума, находя удовлетворение в безудержном разврате, актах насилия и упоении чужими страданиями.

Именно поэтому почти все сословия Вечного города с благоговением взирали на образцовую жизнь Германика и Агриппины Старшей, шестеро детей которых многим римским политикам казались символами возрождения Республики и возвращения к управлению, существовавшему до Юлия Цезаря. Германик, корни которого по матери восходили к Марку Антонию, а по отцу – к Ливии, считался образцом благородства, символом военной славы и олицетворением республиканских взглядов. Агриппина Старшая, в отличие от Тиберия, была родной внучкой и прямой наследницей императора Августа, отцом же ее был один из самых выдающихся полководцев Римской империи и ближайший друг императора Августа Марк Агриппа.

Человек, положивший к ногам хилого Октавиана покоренную империю, он фактически сделал его Августом. Вполне естественно, Агриппина понимала, чья кровь течет в ее жилах, и поступала сообразно своему положению. Народ, падкий на героев, искренне гордился этой парой и многими поступками каждого из связанных узами брака наследников. Когда же слава римского полководца в Германии стала слишком явным раздражителем для властвующего в Риме Тиберия, он вдруг велел Германику отправиться в Сирию, где услужливый наместник императора вероломно отравил Германика.

Груз императорской фамилии с самого рождения давил на сознание маленького Гая невероятной силой. Кажется, Калигула впервые начал осознавать себя, находясь в германском военном лагере своего отца. Его самоидентификация подчеркивалась, с одной стороны, крайне бережным, заботливым и нежным отношением матери (ведь они были в настоящем военном лагере, где смерть всегда рядом), а с другой – скорым осознанием собственной принадлежности к особой касте людей. Он был единственным ребенком на настоящей войне, к тому же сыном блистательного полководца и потенциальным наследником Тиберия, солдаты и офицеры откровенно баловали его и позволяли делать все, что вздумается, забрасывали его подарками.

В сложной, динамично меняющейся обстановке военного времени Гая, которого в лагере прозвали Калигулой («сапожком»), постоянно оберегали от неприятностей, а Кассий Херея, один из лучших офицеров в легионах Германика, носил его на плечах, как великий символ Рима, еще более священный, чем знамена легионов. Необходимость насилия вошла в его жизнь с первых дней осознания себя. Хуже всего было то, что насилие устойчиво ассоциировалось со славой, удачей и признанием в обществе современников. Наряду с глубоким раздражителем в виде желания насилия он с раннего возраста усвоил важное правило: насилие останется безнаказанным и даже может восторженно приниматься обществом, если обществу будет доказано благо этого насилия. Но, по сути, для маленького мальчика ситуация выглядела несколько по-иному: идя по миру с мечом в руках, разрушая чужие устои, убивая непокорных и позволяя (или не воспрещая под страхом смерти) своим солдатам насиловать чужеземных женщин и сжигать их дома, римляне-убийцы возвышались, богатели и делали весь мир доступным для себя. Ощущения превосходства и вседозволенности стали доминирующими для Гая с первых лет сознательной жизни; именно на них он будет опираться в течение всей своей короткой жизни.

Но точно так же с самого детства он понял, что и сам может стать объектом насилия, если потеряет бдительность, не научится обороняться и нападать, а еще лучше – тайно устранять своих конкурентов. Очень скоро он нашел неожиданное подтверждение этому на примере своего отца. Жизнь с самого детства заставила его вглядываться в окружающий мир настороженно и с опаской. И то, что он видел дальше, все больше ужасало своей противоречивостью, фальшью масок и декораций.

В обескураживающей смерти отца-полководца, которую он вполне мог осмыслить в свои семь лет, пожалуй, впервые проявился скрытый конфликт отца и сына. Если не в это время, то несколько позже Калигула наверняка задал себе удивительно простой вопрос: отчего победоносный и успешный военачальник, которого несокрушимые германские легионы просили взять верховную власть в свои руки, отказался от нее и заплатил за свое благородство бесславной смертью? Может быть, думал Калигула, не стоит становиться жертвой в заведомо подлом мире, лучше избрать иную тактику, ответить на интригу еще более изысканной интригой, обойти ловушку, притвориться глупым, чтобы потом с улыбкой на устах растоптать обидчика, разорвать его на части и насладиться видом растерзанного и уже бессильного противника.

Маленький Гай стал особенно быстро взрослеть после отравления отца. Испытывая ужас от собственной незащищенности и желая мести, он после возвращения из Сирии сумел привязать к себе старуху Ливию. Гай ненавидел старую женщину, которой молва наравне с Тиберием

приписывала отравление отца, но одновременно с этим видел в ней защиту, поэтому постарался покладистостью и показной привязанностью усыпить бдительность угасающей «матери отечества». Пока его мать старательно вникала в политику, периодически бесстрашно бросая в лицо Тиберию обвинения в его причастности к гибели мужа, Калигула уже сомневался в необходимости поступать таким образом. Мстительный старик проглотил обвинения, но конец самой Агриппины после этого стал делом времени.

Все эти события происходили на глазах взрослеющего Калигулы, поэтому изворотливость и скрытность стали неотъемлемой частью его формирующейся личности. С одной стороны, его глаза с раннего детства привыкли к сценам смерти и мучений, вид которых вызывал у него приступы трепетного, сладковатого и приторного ужаса; с другой – он ощущал великую опасность и всегда видел рядом край бездонной пропасти. Рим, как оживший вулкан, уже сотрясаясь от кощунственных обвинений и циничных судилищ. Как отмечал Тацит, многие уважаемые и некогда влиятельные мужи империи добровольно уходили из жизни, чтобы не быть свидетелями человеческого падения и небывалой низости. Болезненная восприимчивость, впечатлительность и ни на миг не оставляющее его ощущение животного страха сделали психику молодого Калигулы неустойчивой, а поступки противоречивыми. Он то впадал в состояние смирения, то, будто соблазненный неуправляемой стихией, совершал мало поддающиеся объяснению непростойности. Принадлежность к обожаемому массаами роду, обеспечивающая некий аванс доверия со стороны окружающих, все чаще толкала его на потворство собственным страстям, развивая непреодолимое влечение к насилию и властолюбию. Унаследованные от матери цепкость и воля к жизни укрепили его стремление выжить, актерское же мастерство он – под страхом смерти – усвоил чрезвычайно быстро. Да, решил Калигула для себя, он будет пресмыкаться и раболепствовать, и пусть это навсегда останется в его памяти, чтобы легче было мстить. Потом он повернет реки вспять, и те, кто сегодня насмехается над ним, будут в страхе ожидать его вердикта. Он еще насладится жизнью, единолично даруя или отнимая у других право на жизнь.

Характер будущего властителя Рима под влиянием неблагоприятных обстоятельств сформировался чрезвычайно рано. Еще будучи совсем юным, он пристрастился исподтишка совершать поступки, которые обычно вызывают неприязнь и отвращение. Как избалованный ребенок, он всегда хотел заглянуть в комнату, ключ от которой от детей прячут. Ему все больше хотелось запретного, а отказать себе представитель императорской семьи был не в состоянии. Ведь с детства ему все было дозволено, он вырос под грубые песни солдат о том, что ему уготована небом высшая власть. Поэтому, несмотря на опасности, где-то глубоко юноша ощущал себя властителем, наделенным богами безграничными полномочиями, которые хотят отобрать какие-то злые люди.

Калигула начал свой путь безумца с, казалось бы, безобидных для юноши своего времени поступков. Он, как пишет Светоний, «с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене». Он позволял своим безудержным низменным желанием выплескиваться наружу; его завораживала обжигающая мгла жизни, ее дно, на котором все дозволено. Кажется, историк-беллетрист Роберт Грейвз недалек от истины, описывая истинное лицо юного Калигулы: когда его покровительница прабабка Ливия была при смерти, он злорадно смеялся над нею и ее беспомощностью. После долгих лет пресмыкательства и показной любви он позволил этой женщине увидеть настоящего Калигулу. А потом, во время пышной панихиды, он лицемерно произнес проникновенную речь, которую многие назвали блестящей. Играя со смертью, Калигула оказался весьма расчетливым и ничуть не напоминал человека с большим разумом. Прошло еще немного времени, и напористый отрок превзошел самого Юпитера: если тот сожительствовал только с одной своей сестрой Юноной, то Калигула совратил всех троих. Разврат захватил его, но на людях он еще сдерживался и

вел себя пристойно, между тем вынашивая такие планы, от которых помутилось бы в глазах у самого Тиберия, прознай он о намерениях тихого юноши.

Отметка богов и выбор императора

Современный историк Джордж Бейкер, подаривший миру замечательное жизнеописание Тиберия, полагает, что римский сенат – то ли из боязни, то ли из желания угодить принцепсу – намеревался привлечь к суду и уничтожить не только Агриппину Старшую, но и ее троих сыновей. Если это так, то Калигула не мог не знать о надвигающейся опасности, грозившей уничтожить несчастную семью Германика. Однако через некоторое время после того как Тиберий с методичной злобной последовательностью видавшего виды садиста довел до самоубийства одного из его старших братьев – Нерона Цезаря, – сам Калигула неожиданно был вызван императором в его резиденцию на остров Капри. В логове умирающего дракона девятнадцатилетнего молодого человека ожидали испытания, преодолеть которые мог только изворотливый и чрезвычайно предусмотрительный человек. Калигула отчаянно боролся за свою жизнь, поэтому все выходки Тиберия сносил с невероятным терпением, скрываясь за маской лести и притворства. Отпрыск прямолинейного Германика предстал таким гуттаперчевым и эластичным, словно был не живым человеком, а роботом, запрограммированным на выживание. Кажется, он подкупил Тиберия, но отнюдь не лестью и готовностью быть рабом ради того, чтобы выжить, а неожиданно обнажившейся порочностью и необычайной черствостью натуры, которые император конечно же почувствовал в нем. Тиберию, так и не сумевшему дотянуться до Августа и имевшему в активе лишь один благородный поступок – отказ от названия месяца своим именем, – необходим был кто-то, кто был бы еще ужаснее и кто мог бы таким образом сгладить контраст между почитаемым Августом и посредственным Тиберием. И потому Тиберий сделал окончательный выбор – в конце концов, кто-то же должен обелить его запятнанное кровью и пошлостью имя, а заодно и уничтожить легенду о славе и величии Германика.

Старик не случайно проверял избранного им преемника различными способами, каждый из которых был хуже предыдущего. Тиберию нужен был отъявленный негодяй, потенциальный убийца, мучитель и насильник. Был, конечно, еще оголтелый и беспринципный Сеян, но сравнив подобострастного юношу и хитрого, пытавшегося возвыситься командира преторианцев, к тому же безродного, Тиберий решительно выбрал Калигулу. К тому же император боялся, что Сеян захочет убить его раньше, чем ангел смерти позовет его в последний путь. Трусливый же Калигула, как казалось Тиберию, будет тихо ждать своего часа, чтобы потом постепенно проявить свою звериную натуру. И чем дольше он будет ждать, полагал принцепс, тем хуже для Рима. На острове Капри дряхлеющий император убедился, что это юное трепещущее от страха создание готово превратиться в прожорливого дракона, как только придет его, императора, смертный час. Знал Тиберий и о ночных похождениях Калигулы: знал, но лишь ухмылялся, ибо чувствовал, что наследник превзойдет его самого. «Он живет на погибель себе и другим», – такое пророчество всемогущего Тиберия сохранила молва. Сделав выбор, Тиберий уничтожил Сеяна, назначил Калигулу понтификом и женил его на девушке из знатного рода. Казалось, что император сделал выбор...

Пока юный Калигула, дрожа от страха и одновременно радуясь своему новому положению, приобщался к императорским утехам, сам Тиберий вернулся к старым долгам. Он намеревался рассчитаться с властолюбивой и гордой Агриппиной Старшей, матерью Калигулы. К тому времени, когда императору пришлось в голову вызвать к себе Калигулу, его мать и второй брат (Друз) уже почти два года томились в изгнании. Тиберия потешило, что, борясь за свою жизнь и при этом утопая в роскоши и разврате, Калигула ни разу не обмолвился о судьбе родных, смерть старшего брата (Нерона), казалось, вообще его не беспокоила. Юноша как ни в чем не бывало жил по предписанному императором сценарию и, кажется, не особо удивился,

когда узнал о том, что мать с братом умерли медленной и мучительной смертью. Родная внучка императора Октавиана Августа мужественно приняла смерть от голода, а ее несчастного сына, которого Тиберий какое-то время даже держал при себе в резиденции на Капри, еще до кончины Агриппины Старшей также уморили голодом.

Но затаившийся Калигула все-таки действовал, намереваясь обеспечить свою безопасность и приблизить счастливый момент обретения власти. Когда его молодая жена неожиданно умерла при родах, юный искатель счастья решил сделать ставку на сменщика Сеяна на посту командира императорских гвардейцев – Макрона. Для этого он, как считает Светоний, сумел обольстить жену Макрона и с ее помощью обрести доверие первого преторианца. Но, вероятно, оба властолюбивых гражданина Вечного города испытывали тягу друг к другу. К примеру, Тацит уверен, что не Калигула искал дружбы Макрона через его жену, а, наоборот, Макрон, уже достигший высокого положения в обществе, вынудил свою жену соблазнить Калигулу и таким образом сблизиться с перспективным молодым человеком. Говорят, существовала даже расписка Калигулы о том, что он непременно женится на Эннии, когда получит власть. Согласно утверждениям Тацита, Тиберий прознал о хитростях Калигулы. Но годы брали свое, ограничивая не только свободу передвижения дряхлого императора, но и возможности политического маневра. К старости у Тиберия не осталось ни одного союзника и, тем более, надежного друга. Как Калигуле уже трудно было найти альтернативу, так и Макрона заменить в это время было уже невозможно.

Пока всемогущий старик колебался, предприимчивые Калигула и Макрон начали действовать. Они приблизились к давно ожидаемому финалу, когда во время одной из крайне редких вылазок из резиденции Тиберий фатально занемог. Разные авторы по-разному описывают сцену кончины тирана, но во всех рассказах фигурирует Калигула – то ли как отравитель, то ли как душитель, то ли как сообщник Макрона в этом деле. Но даже если Калигула не срывал с пальца умирающего императорский перстень-печать и не душил его подушкой, эти придуманные эпизоды оказались поразительно точными в отношении нового императора Рима. Трусливый, действующий исподтишка и чаще чужими руками, он мгновенно смелел, как только видел беззащитность некогда сильного противника, и дальше действовал, как бультерьер во время схватки.

После злобного Тиберия молодой жизнерадостный Калигула показался римлянам вспышкой яркого света после тьмы. Его воспринимали как живительный поток, пришедший в край, где долго властвовала засуха. Толпы ликовали в предвкушении лучшей жизни. Но эти несчастные, взывавшие к двадцатипятилетнему «спасителю», недооценили Тиберия, которого так проникновенно проклинали. Молодой император начал с блестящего спектакля. Он демонстративно и с большой помпой почтил память всех своих родственников, отплыв на остров Пандатория за прахом матери «в бурную непогоду, чтоб виднее была его сыновья любовь». Он помиловал осужденных, а «спинтриев, изобретателей чудовищных наслаждений», изгнал из Рима. Калигула «позволил» безбоязненно работать судам, восстановить сочинения запрещенных Тиберием летописцев, а черни – насладиться зрелищами, угощениями и всенародными раздачами.

Что же происходило в действительности? Желал ли новый император измениться, стать противоположностью Тиберия, к смерти которого он явно приложил руку, или Калигула старался усыпить бдительность общественности, чтобы затем проверить границы дозволенного для властителя Рима? Вероятно, в это время имело место определенное раздвоение личности Калигулы. С одной стороны, его поддерживает множество людей, которые взирают на нового принцепса с великой надеждой. В него искренне верят огромные массы, и чувствительная психика молодого человека, подкрепляемая памятью об отце, толкает его на благородные поступки; какое-то время он, похоже, искренне жаждет соответствовать ожиданиям народа и тех политических сил, которые уже сделали ставку на него. Но вместе с тем, затаившиеся в

его душе демоны не могли долго томиться в бездействии, они могли лишь выжидать удобного момента, чтобы явить себя миру. А Калигуле необходимо было утвердиться во власти, ибо как крайне боязливый и осторожный человек, прошедший через жестокие испытания, он просто опасался поддаться тайным, обурававшим его естество желаниям. Поэтому Калигула пытался сдерживать свои страсти, не позволяя им проявляться явно и неприкрыто. Что же касается государственной политики, то на самом деле в этот счастливый для Рима период лично Калигула не совершил ничего выдающегося. Он лишь «позволял» или «не воспрещал» делать то, что было введено при Августе, но потом предано мрачным Тиберием. В некоторых поступках нового принцепса скрупулезные исследователи находили и более внушительные результаты. Например, Пьер Грималь небезосновательно считает, что торжественное захоронение останков членов семьи Германика на Марсовом поле в мавзолее Августа было не только актом легитимизации власти Калигулы, но и символом династической преемственности. Еще более знаковым стало посмертное обожествление сестры Друзиллы, с которой Калигула состоял в кровосмесительной связи. П. Грималь указывает, что обожествление «придало принципату откровенно «царскую» окраску». И, естественно, стало мощным предупредительным залпом тяжелой артиллерии по позициям сената.

Уродливая и деформированная натура Калигулы настойчиво требовала дрейфа к темной половине, к исполнению мрачных желаний и животных побуждений. Тучи сгустились уже тогда, когда умерла его младшая сестра Друзилла, к которой он, возможно, испытывал нежные чувства. Приблизительно в это же время он решился на разрыв с сенатом, формально обвинив последний в провоцировании жестоких погромов. Калигула выложил оторопелым сенаторам давно заготовленное заявление о том, что он берет всю полноту власти в свои руки. Наконец, еще через некоторое время произошел неожиданный разрыв с двумя другими сестрами, Агриппиной и Ливиллой, которые оказались замешанными в заговоре против родного брата-императора. Этот случай напомнил Калигуле, что когда дело касается власти, никому не стоит доверять и даже родные сестры могут стать опасными конкурентами. Он велел сослать сестер на Понтийские острова. Эти события пробудили в Калигуле прежние ужасные инстинкты, а месяцы воздержания от низменных поступков не были компенсированы достижениями, за которые он мог бы получить признание сограждан и славу Августа. Призраки, терзавшие его душу, становились все сильнее.

Плоды безнаказанности

Примитивное мышление привело Калигулу к таким банальным шагам, как замена голов изваяний богов своей и создание собственного храма, в котором возвышалось его мраморное изваяние в настоящих одеждах. Чтобы произвести впечатление на окружающих, Калигула сообщал о своем личном общении с богами и даже заявил однажды, что бог пригласил его жить вместе с ним. Сенаторы, поначалу ухмылявшиеся в ответ на речи полусумасшедшего правителя, после начавшихся казней притихли и подумывали лишь о том, чтобы держаться подальше от этого близкого друга Танатоса, олицетворяющего в греческой мифологии смерть.

Если лучшие мужчины Рима считали столь важным продемонстрировать физическое превосходство и атлетическое сложение, то Калигула не считал зазорным щеголять браслетами и другими ювелирными украшениями. Полководец-неудачник и никчемный государственный деятель, он мог лишь в качестве возницы носиться на колесницах и пытался компенсировать аморфность мозга шокирующими убийствами и диким разгулом. Правитель-комедиант, он разыгрывал игрушечные сражения, при виде которых старые солдаты, помнившие легендарного Германика, лишь качали головами. Калигула оказался решительно неспособным проявить себя как военачальник. Так, возомнив себя полубогом и без стеснения облачившись в панцирь Александра Великого, он ни с того ни с сего задумал наказать легионы отца, казнив каждого

десятого легионера, но, увидев решимость в глазах безоружных воинов драться до последнего, в страхе бежал прямо с военной сходки. Как многие из тиранов, которые достигли своего положения не силою оружия, а благодаря стечению обстоятельств, Калигула был труслив и готов был тут же ретироваться при виде реальной опасности.

Первые преступления Калигула оправдывал необходимостью укрепить свою власть. Например, безобидного и щедедушного Гемелла, своего сонаследника, он убил просто потому, что кто-то мог бы использовать формальное право юноши получить власть. Своему тестю, единственному из сенаторов, в чьей порядочности и честности не сомневался даже Тиберий, он послал записку с приказом умереть «к завтрашнему утру». Похоже, именно подлинные добродетели раздражали его больше всего. А иногда даже чья-то внешность становилась нестерпимым испытанием для его нездорового тщеславия и непомерной зависти: однажды он приказал убить знатного гостя только за появление в людном месте в пурпурных одеждах, что отодвинуло его, императора, на второй план. Прошло совсем немного времени, и подлый Калигула расправился с Макроном, который все время напоминал о себе и мешал бесчинствовать. Этого человека, помогшего ему прийти к власти, он уничтожил, потому что все еще до смерти его боялся. Чтобы отстранить главу преторианцев от командования гвардией, он назначил его наместником в самую богатую провинцию – Египет. Затем Макрона и его жену Эннию (ту самую, к которой сам Калигула некогда пылал безумной страстью) вынудили совершить самоубийства. Мечь, смешанная с постоянным страхом падения, а также непреодолимая жажда заставить весь мир поклоняться стали движущими мотивами вкусившего власти Калигулы. Чем дальше он заходил, тем меньше стеснялся, даже если речь шла о жизни и смерти. И чем больше молчали сенаторы, тем более изощренными становились методы беспринципного властителя. Небывалая тяга к садизму теперь прорвалась наружу в полной мере, ибо Калигула был ослеплен властью. Ему больше никто не перечил, и, не имея никакой высокой идеи, не будучи способным выбрать для себя дело, достойное государственного деятеля, Калигула предался страшной игре в прятки с богами.

Светоний, описывая шокирующую свирепость этого разнузданного человека, указывал, что даже из смерти тот намеревался извлечь наслаждение. «Казнить человека всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!» Правда, некоторые исследователи Древнего Рима, как, например, Отто Кифер, настаивают на том, что жестокость и садизм вообще были присущи этой эпохе. Смерть сама по себе не являлась наказанием, и каждая казнь должна была усиливаться предшествующей поркой, указывает историк. Знаток нравов Древнего Рима делает вывод о том, что «среди склонного к садизму римского народа неизбежно бы появился человек, в личности которого этот тип вырождения наглед бы высшее воплощение». Несомненно, это очень ценное замечание. Что было первичным: сладостная развращенность правителей, а с ними и большей части жителей города, сделала всех нечувствительными к чужой боли и страданиям, или формула жизни априори предусматривала угнетающую современный мир жестокость? И если все дело во временном отрезке истории, то почему в самом Риме находились такие люди, как Цицерон и Сенека, высказывавшие откровенное презрение к кровавым пыткам, нелепым истязаниям и решительно осуждавшие даже неоправданную жестокость на арене амфитеатра?

Нет сомнения, что проявления садизма, невероятной жестокости и склонности выйти за рамки сексуальных запретов в значительной степени являлись для Калигулы заменителями достижений на государственном поприще. Тут принцепс прежде всего жаждал продемонстрировать, что нет границ его власти. И в этом смысле секс и насилие часто выступали, как и у многих других деспотов, в качестве социальной функции. Устрашение и вызывающая демонстрация вседозволенности оказались результатом ограниченности мышления человека при наделении его безмерными полномочиями. Кажется, именно с этой целью Калигула состоял в кровосмесительной связи со своими сестрами, и только для этого, как указывает Светоний, он

«не раз даже отдавал их на потеху своим любимчикам». Таким способом Калигула демонстрировал окружающим, что он один имеет право преступать табу, устанавливать нормы морали, диктуя свои законы всему обществу. Многие летописцы упоминают об эпизоде, когда император, приглашенный на свадьбу, во время пира вдруг запретил молодоженам целоваться, послав молодому мужу записку: «Не лезь к моей жене!». А затем увел невесту к себе, объявив на следующий день, что нашел себе жену по примеру Ромула и Августа.

Несколько строк стоит посвятить и психосексуальной основе деструктивных влечений Калигулы, развившейся на фоне отсутствия общей идеи и усиления раздражителей, того воздействия, которое было оказано на него в раннем детстве, юности и особенно в период приближения его к себе Тиберием. Подобно тому, как у несостоявшихся людей секс приобретает особое значение, нередко заполняя большую часть их устремлений, так и у Калигулы секс стал тем полем деятельности, на котором он утверждался и искал признания своего величия. Подобно мифическому Минотавру, начав с претензий ко всем привлекательным женщинам одновременно, император, пользуясь своей властью, вернулся к тому, во что его ненавязчиво вовлек старик Тиберий. С того времени, как Калигула уничтожил потенциальных претендентов на власть, его перестали удовлетворять ночные хождения с ордой бандитов по притонам Рима, ему грезилась все новые и новые ощущения. Стараясь придать всему блеск театральной постановки, Калигула сделал из интимного мира настоящий публичный театр. Он организовывал грандиозные оргии, в которые вовлекал множество людей, причем нередко участниками оказывались и мужья, и их жены. Так, например, происходило с его собственной сестрой Друзиллой, которую он выдал за Лепида, но с которой продолжал поддерживать интимную связь. Любопытно, что когда Друзилла умерла и весь Рим погрузился в траур, ходили настойчивые слухи, что Калигула собственноручно убил сестру в приступе ярости. Им можно легко поверить, если вспомнить переменчивость настроений императора, который с легким сердцем казнил своего любимца Лепида, а двух оставшихся в живых, совсем недавно обожаемых сестер без тени сожаления отправил в изгнание. Кстати, из эпицентра оргий Калигулы произошло явление миру Мессалины: развращенная в юном возрасте императором, она потом явилась примером того, куда может завести женская деструктивная сексуальность.

Когда оскудела казна, изощряясь в выдумках, Калигула приказал организовать дом терпимости прямо во дворце на Палатине: замужние и именитые дамы зарабатывали средства для мота, растаптывающего такие вечные ценности, как семья. В сексуальных увлечениях надменного властителя Рима, похоже, было место и гомосексуальным связям. Источники намекают на интимные отношения Калигулы с пантомимом Мнестером, мужем своей сестры Марком Лепидом и знатным патрицием Валерием Катуллом. Если вспомнить властолюбивую мать Калигулы с ее настойчивыми волевыми попытками вмешиваться в «мужские дела» императора Тиберия, склонность этого человека к бисексуальным контактам может быть вполне объяснима. И если Калигула может не рассматриваться как явный извращенец сквозь призму приемлемого в самом Древнем Риме, да и в терпимую эпоху начала XXI века, все же его половая разнузданность, крайняя степень похотливости и откровенное пренебрежение любовью и институтом брака вызвали неистребимое желание у мужчин Рима отплатить императору той же монетой. Кажется символическим тот факт, что во время убийства ненавистного императора некоторые заговорщики пронзили мечами его половые органы.

Как большинство моральных уродов, трусливых, сомневающих в себе и осознающих свою никчемность, Калигула любил испытывать других на прочность. Его ущербная личность требовала подтверждения того, что и остальные являются такими же, что мир преступен до самого последнего человека и что животное начало в человеке руководит всеми остальными импульсами. Он, к примеру, на театральных представлениях раздавал даровые пропуска раньше времени, чтобы воинственная чернь могла захватить всаднические места: императору было интересно и забавно посмотреть, как будут улаживать отношения разные сословия. Для

этой же цели он отбирал жен у знатных римлян и рассказывал затем в подробностях, как он обладал ими. А иной раз после нескольких дней забав с чужой женой он приказывал ей развестись и вообще больше не иметь дела ни с одним мужчиной. Однажды на одном из многочисленных пиршеств непредсказуемый император вдруг громко расхохотался; когда же консулы осторожно поинтересовались причиной внезапного приступа веселья, Калигула ошарашил их ответом: он смеялся потому, «что стоит только кивнуть, как вам перережут глотки». Природа этих удручающих поступков не только в демонстрации неоспоримой власти даже над частной жизнью людей, которых он мог утратить смертью и пытками, но и в желании поиграть со случайной жертвой, посмотреть, как тот или иной представитель рода человеческого будет действовать в условиях, когда его оскорбляют, унижают, травят, низводят до жалкого, вымывающего жизнь существа. Он нередко заставлял отцов присутствовать при казнях сыновей, а потом, приглашая их на пиршества, с жадным любопытством вглядывался в глаза несчастных, пытаясь понять, насколько болезненно они переносят утрату. Ему нравилось выворачивать чужую душу наизнанку, от этого он получал неимоверное наслаждение. С таким трудом выживший сам, он желал провести как можно больше людей через коридор испепеляющих испытаний и насладиться теми мучениями и сомнениями, которые когда-то испытывал сам в роли жертвы Тиберия. Даже посылая на казнь осужденных, он всякий раз говорил, что «сводит свои счета».

Разбуженные бесы тянут в пропасть

К глубинной основе мотивации Калигулы, по всей видимости, следует отнести стремление к власти как к обеспечению безопасности. Желание мстить за унижения детства и юности также присутствует в поступках деспотического императора, но оно не доминирует. Наиболее же весомым фактором, определявшим поведение этого человека, стала развращенность властью и абсолютная безнаказанность на фоне вопиющей инфантильности и недоразвитости личности. Никто особо не занимался им в детстве, надеясь на то, что мальчик будет воспитываться на примере своих действительно выдающихся родителей. Но при этом он видел и худшие проявления человеческого, которые в итоге стали доминирующими во влиянии на формирующийся характер. Это произошло прежде всего потому, что система ценностей его родителей потерпела поражение, оказавшись погребенной под натиском варварства, цинизма и лжи. А сам Калигула выжил за счет проявленных качеств, которые осуждало и общество, и его отец с матерью. Конечно, были и другие причины. Например, отсутствие утонченности и манер выдает огромные пробелы в раннем образовании, восполнить которые в отрочестве стало немыслимо. Да и до этого ли было представителям императорского рода, борющегося за выживание... В итоге жизнь Калигулы стала демонстрацией практически полной деградации личности. Он был слишком невежествен и полностью лишен той самой важной части интеллекта, что позволяет оценить себя со стороны и осознать свою роль в жизни. Он не задумывался над своими действиями; его поступки были импульсивными, эмоциональными и направленными на бесцельное обладание всем сущим. Его неадекватно завышенные амбиции не были подтверждены ни единым положительным качеством личности, поэтому вызывали в обществе единодушное раздражение и осуждение.

Калигула бесновался, но его слабое духовное начало, как тело рахита, не могло породить ничего достойного. Например, он искренне желал какого-нибудь всенародного бедствия, чтобы хотя бы таким способом его правление запомнилось людям. Но, пожалуй, лучше всего внутреннюю дисгармонию Калигулы иллюстрирует эпизод со статуей Юпитера. Однажды до безумия самолюбивый император встал возле статуи верховного бога и лукаво спросил актера, в ком больше величия. Когда же тот промедлил с ответом, разъяренный Калигула приказал жестоко отхлестать его бичом. Кажется, он готов был разорвать на части или сжечь весь мир, если бы

только мог таким способом выбить из него признание своего величия. Ведь не случайно он, томимый все тем же желанием признания, с неутоленной горечью безнадежного садиста сожалел, что у Рима не одна шея...

Обретя власть, Калигула с космической скоростью двинулся навстречу смерти. При этом он губил и обрекал на смерть все, к чему прикасался: именно он стал причиной гибели собственной жены и маленькой дочери, ибо своим отношением довел людей до озверения, до ответной инерции разрушения всего, что так или иначе напоминало его имя. Хотя вряд ли этот человек, не умевший любить, так как осваивал вместо законов любви законы выживания в море всеобщей ненависти, муж, не испытывавший к своим многочисленным женам никаких иных чувств, кроме сексуального влечения, и наконец, отец, признавший лучшими качествами своей дочери «лютый нрав», был бы по-настоящему несчастен, узнай он о судьбе самых близких людей.

Несмотря на то что сам Калигула считал себя отмеченным богами гением, современники презирали его, страхась и ненавидя одновременно. Император, уверенный в том, что ему удалось выжить в дикой мясорубке Тиберия лишь благодаря уверенности, что на его челе оставили свою метку бессмертные боги, почувствовал неприязнь всех сословий после своей странной болезни в конце первого года правления. В то время, когда его жизнь висела на волоске, толпы преданного памяти Германика простого люда стояли у дворца, тихо перешептываясь о состоянии императора. Но тогда в восприятии города он все еще был сыном победоносного и благородного воителя, а после болезни Калигула беззастенчиво открыл всем свое истинное лицо – и наступил перелом в отношении к нему народа. Его детская недоразвитость уже никого не забавляла, а игры с народом, порой совершенно искренние, начали раздражать всех без исключения.

Так кем же он был в действительности – изощренным убийцей или душевнобольным? Возможно, что и тем, и другим, причем сначала первым. Причем его болезнь была из серии тех недугов, что рождаются в людях при «недействующем», больном обществе, при попустительстве окружающих, в условиях, когда маленького ребенка, а затем подростка по каким-либо причинам не одергивают, когда он совершает поступки, в которых только подслеповатые глаза безразличного не усмотрят прообраза будущих великих преступлений. Кажется, что на свете не было такого порока, которого бы этот завистник и убийца не имел сам.

Некоторые современные исследователи, например Э. Берн, В. Грин, И. Лесны, в основе поведенческих реакций Калигулы видят прежде всего психические или даже физические недуги. И. Лесны делает вывод, что жестокие бессмысленные убийства и истязания невинных людей явились результатом тяжелой, возможно, вирусной инфекции, проявившейся в виде воспаления мозга. В. Грин более осторожен в выводах, однако его гипотеза состоит в том, что помешательство Калигулы (в этом исследователе не сомневается) стало следствием органической болезни. Эрик Берн полагает, что император был шизофреником. Такие авторитетные представители современной психиатрии, как Мюллер и фон Делиус, поставили римскому императору диагноз «юношеское слабоумие» (*dementia praecox*). И все же, очевидно, не стоит все содеянное Калигулой объяснять только психическими расстройствами. С оценками и диагнозами можно было бы согласиться, если бы перед глазами наблюдателя не разворачивалась удивительно последовательная картина падения Калигулы.

Его поступки отражают неустанное стремление воспользоваться случаем и совершить нечто недозволенное и даже шокирующее. Но иногда Калигула проявлял удивительную рассудительность, порой даже уникальную, абсолютно не вяжущееся со слабостью ума, благоумие.

Если и имела место болезнь императора, о которой твердят столько ученых, то вовсе не она оказалась причиной всех его ужасных преступлений, болезнь лишь усилила невообрази-

мые пороки, порожденные дисгармоничным развитием и слишком большим разрывом между желанием утвердиться в величии и возможностями совершать великие дела.

Нерон **(Луций Домиций Агенобарб)** **(15 декабря 37 года – 7 июня 68 года)**

Римский император (54–68 гг.), символ власти произвола и деструктивной системы ценностей

*Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось.
Пока я живу, пускай земля огнем горит!*

Нерон

Кажется, в истории человечества нет ни одного образа, который бы в восприятии любого человека оказался более черным и более гнетущим, чем римский император Нерон. Словно выходец из мрака, явился он на землю, став олицетворением Смерти, посланником самого Дьявола в качестве неоспоримого доказательства человеческой порочности. Римское общество сначала вскормило грудью людоеда, а затем выпустило его из клетки, разрешив действовать по собственному усмотрению.

Скорее всего тем, что он выжил, как, впрочем, и диким нравом, он обязан матери, сумевшей привести в действие тщательно разработанные механизмы захвата власти. Мальчиком и юношей наблюдая за интригами знаменитой правнучки Октавиана Августа, Нерон не мог не испытывать смутного страха и щемящей тревоги, связанных со своим двусмысленным положением. Эти обстоятельства рано сделали Нерона равнодушным к власти, а испытанные им в детстве страхи, когда он часто находился под прямой угрозой истребления, стимулировали в нем развитие деструктивных мотиваций. К тому же эти импульсы старательно возбуждались его матерью, а затем противоречие углубилось решительным нежеланием взрослеющего сына находиться под чрезмерной опекой Агриппины и одновременно осознанием неспособности совершить нечто неординарное в качестве государственного деятеля.

Под знаком предначертанности

Когда в семье Гнея Домиция Агенобарба и Агриппины Младшей родился сын, его имя начали сразу же окружать легендами. Мать, всецело ориентированная на власть в империи, постаралась, чтобы после его рождения по Риму и окрестностям поползли слухи о знамениях, говоривших о рождении будущего царя. Еще не минуло и года со дня восшествия на престол молодого императора Калигулы, ее брата, который, казалось, очень любил Агриппину Младшую, значит, их отношения вполне позволяли распространять подобные слухи. Подтверждение правильности своего шага она получила через пятнадцать дней, когда во время торжественной ритуальной клятвы консулы наряду с именем Калигулы произнесли и имена его трех сестер. Политическая обстановка благоприятствовала тому, чтобы заявить о появлении своего чада как о приходе нового мессии. Мать Нерона с первых дней его жизни стала выстраивать героический сценарий его жизни, при этом в значительной степени рассматривая сына в качестве механизма своего собственного восхождения к власти, что конечно же отрицательно сказалось на его восприятии жизни ребенком. Она создавала в душе мальчика факел, который обязательно предстояло зажечь; в этом она была уверена, и эта неуклонная уверенность постепенно заполнила и рожденное ею юное создание.

С матерью Нерону повезло: она всегда ходила по краю бездны, вложив в него готовность действовать всеми дозволенными и недозволенными способами. Она заразила его соб-

ственным пренебрежением к людской жизни и страстью властвовать. Пока Агриппина строила планы своего восхождения к вершинам власти, отец мальчика, Рыжебородый (так переводится имя Агенобарб), бесцеремонно заявил, что «от него и Агриппины ничего не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества». Но скорее всего, Светоний намеренно приписал эти слова Агенобарбу, он этим хотел подчеркнуть не столько predeterminedность порочности Нерона, сколько гнусные качества его отца. Действительно, Агенобарб, будучи внуком Марка Антония и сестры Августа Октавии, не унаследовал ничего достойного от своих именитых предков. Разврат, инцест и убийства были характерны для этого пресыщенного и на редкость циничного человека. И, безусловно, маленький Нерон, подрастая, ощущал удушливое и разрушающее его личность действие недоброй славы как отца, так и матери. Как и Агриппину, Агенобарба обвиняли в кровосмесительной связи со своей сестрой, и так же, как у дочери почитаемого Германика, у него напрочь отсутствовали моральные принципы и даже малая толика желания прислушиваться к общественному мнению. Он умер, когда сыну было три месяца, поэтому в наследство Нерону достались лишь нелестные слухи о его беспутном родителе.

Женская идентификация Нерона очевидна, и во время взросления мать не столько перестаралась с внушениями, сколько со способом их подачи. Хотя в первые годы жизни он видел лишь женщин любящих и заботливых, ободряющих и предсказывающих его будущее царствование, мать всегда навязчиво доминировала над всеми. Сначала она, а затем, когда Агриппина вместе с младшей сестрой Ливиллой была сослана Калигулой на Понтийские острова за участие в заговоре против него, его тетка Лепида занимались воспитанием будущего принцепса.

Каждый день мальчику настойчиво нашептывали, что он родился великим и что сами бессмертные боги благословили его. Первые годы жизни вместо того, чтобы равняться на отца, он отождествлял себя с матерью, которая по стремлению к лидерству и желанию навязать свою волю заметно превосходила всех окружающих. Агриппина являла собой тип волевой, неуступчивой и безжалостной женщины, более склонной к мужским поступкам. Она слишком часто и, кажется, без меры подавляла сына. Наверное, если бы не годы ее ссылки, способность Нерона к исполнению мужской социальной роли вообще стала бы сомнительной. Позднее это нашло отражение в странном и неоднозначном поведении Нерона, который, властвуя и повелевая, тем не менее испытывал постоянное искушение играть женскую роль. Именно отсюда происходит и его бисексуальность, сменяющиеся желания ощутить себя и могущественным мужчиной, и пассивной женщиной, а также его слезливое стремление достичь совершенства в игре на сцене и добиться славы в стихосложении. У принцепса можно было отыскать множество женских черт, начиная с мягких контуров его фигуры и кончая нерешительностью и слабостью натуры. Он всегда относился к себе с удивительной сентиментальностью и необычайной жалостью. Высокий уровень эмоциональности, склонность к слезам и экзальтированным выходкам странным образом уживались в нем с поразительной жестокостью и жаждой смерти соперников. Мазохистские порывы в сочетании с садистскими устремлениями стали прототипом, ярким отображением материнской природы, и своим внутренним миром он очень походил на Агриппину.

Никто так не повлиял на мотивацию его поведения, как родная мать. Но, вбивая ему в голову идею власти, она лишала сына возможности принимать решения самостоятельно, и в результате он рос зависимым от мнений окружающих: матери, учителей, советников, близких женщин. Именно это будет впоследствии иметь решающее значение в изменении его мотивации – от государственной и военной деятельности к театральному, поэтическому и музыкальному самовыражению, не свойственному в его времена людям с высоким статусом и тем более олицетворяющим верховную власть. Стремясь позже к кифаре и поэзии, Нерон как бы компенсировал эрозию воли и отсутствие склонности как к государственному управлению, так и к проявлению таланта полководца. Он не мог превзойти даже свою мать, не говоря уже о таких выдающихся личностях, какими были, например, Александр и Юлий Цезарь. Зато Нерон будет

стремиться затмить Августа, поддерживая поэтов и философов, фактически заняв во времена своего правления место августовского Мecenата. И еще, кажется, как раз из этой подавленной возможности управлять государством проистекает и тайная злость на мать, которая всегда отбирала у него возможность принимать решения самостоятельно, навязывая свои собственные. В силу развития реакции на материнскую власть он, достигнув признания его власти как императора, постарался во что бы то ни стало избавиться от комплекса зависимости от матери. Убивая потом собственную мать, он одновременно уничтожал следы своей неспособности как властителя и пресекал действие старых комплексов, не дающих покоя и давящих на самолюбие мужчины.

Кажется, исследователи феномена Нерона придают слишком мало значения периоду после возвращения Агриппины из ссылки и до ее замужества с императором Клавдием, когда будущий цезарь был предоставлен сам себе и его характер формировался под влиянием множества обстоятельств и факторов. И хотя о них часто упоминают лишь вскользь, эти годы имели ключевое влияние на становление Нерона. Когда начался период властвования Клавдия, Нерону пошел лишь четвертый год, но он вступил в период чуткого наблюдения за взрослой жизнью и начала смутной самоидентификации.

Его воспитатели, Анникет и Берилл (танцовщик и цирюльник), были простодушными людьми, далекими от понимания того, что надо было лепить из этого податливого человеческого материала. Подобное окружение никак не способствовало закреплению у ребенка мужских качеств, желания завоевать военную славу силой оружия, возвеличив империю и свое имя, как это сделали его дед и прадед. Зато они стали незаменимыми посредниками в общении с плебейской частью Рима. По всей видимости, из этих источников взрослеющий Нерон получал оценки деятельности и обезглавленного заговорщиками Калигулы, и нынешней августы Валерии Мессалины, утопающей в роскоши и нескончаемых пиршествах. С какого-то времени его начинает мучить желание произвести впечатление на народ Рима, который славился своей язвительной откровенностью и способностью запечатлеть и точно воспроизвести в коллективном сознании тот или иной образ. Блистая перед народом, он мог бы прославиться навсегда и заслужить большее признание, чем в глазах скупых на похвалы патрициев. И наверняка от него не ускользнули гибкие, плавные и осторожные, но все же решительные шаги его собственной матери в сторону императорского дворца, ее постоянные встречи с влиятельными императорскими вольноотпущенниками, реально управлявшими империей от имени податливого и аморфного Клавдия.

Наблюдая за изворотливостью матери и ее уникальным даром приспособливаться к меняющимся обстоятельствам, он невольно всегда старался подражать этому чисто женскому умению притворяться и менять образы. И вскоре Нерон открыл в себе неординарные актерские способности, навыки истинного игрока, управляющего эмоциями, оттенками голоса, мимикой и полутонами. Возможно, он не придавал бы этому такого ключевого значения, если бы не одно обстоятельство. Еще не достигнув десятилетнего возраста, он принял участие в секулярных играх столетия, великолепно исполнив свою роль в конном представлении и завоевав гораздо больше симпатий, чем сын императора Британик. История хранит молчание о роли Агриппины в этом событии, хотя на редкость коварная женщина наверняка приложила руку к тому, чтобы ее сыну публично воздали должное. Но этот случай потряс самого Нерона, ибо дал ему основания полагать, что всякая слава имеет одну и ту же природу. Так зачем препятствовать своим склонностям в достижении величия, если признание актерского таланта может дать не меньше душевной радости, чем победа на поле брани или введение замечательного закона.

Дорогой матери – к кровавому пути сына

Очутившись в императорском дворце на Палатине, с поразительной быстротой взрослеющий Нерон усвоил: для него нет ничего недозволенного. Теперь его взрослением руководила мать. И он не сопротивлялся этому, а лишь следовал могучему течению, как маленький игрушечный кораблик. Течение вскоре оказалось стремительным потоком, каким была неистовая душа Агриппины, а сами вехи взросления доставляли Нерону неимоверное удовольствие, ибо были направлены на возвеличивание его имени, превращение в глазах римского общества мягкотелого и слабохарактерного мальчика в волевого мужчину и будущего владыку.

Не стоит винить в том, каким в конечном счете оказался характер Нерона, и оперативно вызванного из ссылки прославленного философа Сенеку, назначенного учителем юного Нерона. Будущему принцепсу шел уже двенадцатый год, когда мудрый и явно уставший от вынужденного затворничества ученый приступил к лепке героического образа. По всей видимости, он с прискорбием обнаружил, что основы характера уже давно заложены, а искоренить доставшиеся от Агриппины и разлагающегося общества пороки невозможно. Задачей философа, четко поставленной Агриппиной, стала непосредственная подготовка Нерона к власти, а вовсе не исправление пробелов его воспитания. Но в самой задаче была заложена бомба замедленного действия, так как сделать из неуверенного мальчика самодостаточного мужчину можно было, только вступив в противоречие с самой воспитательной тактикой Агриппины. Сенеке предстояло выбрать: насытить самовлюбленного подростка неким набором знаний и оставить его подвластным матери либо действительно сформировать самостоятельного и вполне уверенного в себе молодого человека, что неминуемо привело бы его к противостоянию с матерью. Легко разгадав Агриппину, мыслитель сделал ставку на юного наследника. Во-первых, он рассчитывал, что его влияние на юношу может многое изменить. Во-вторых, с еще не сформированным окончательно представителем мужского рода было легче договориться, чем с переменчивой и способной на все женщиной. А в-третьих, именно Нерон мог претендовать на реальную легитимную власть, тогда как Агриппине при любых обстоятельствах предстояло находиться в тени.

С появлением Агриппины в римском обществе в качестве августи началась тайная схватка за будущую верховную власть в государстве. Для начала она заставила наивного старика Клавдия усыновить Нерона, что открыло ее сыну формальную возможность наследовать престол. Затем последовала серия хитроумных трюков, которые преследовали единственную цель: продемонстрировать народу Рима и императорскому окружению, что именно Нерон является будущим правителем, и приучить всех к этой мысли. Например, Нерон, даже не достигший четырнадцати лет, был неожиданно объявлен совершеннолетним и сменил невзрачное одеяние подростка на горделивую мужскую тогу. Агриппина создала резкий контраст между своим сыном и официальным наследником Британиком. Самому же Нерону нравилось блистать и принимать знаки внимания окружающих. Так мать невольно приучила его, что можно блистать, не совершая ничего значимого, путем ловко продуманных мероприятий, направленных на манипулирование сознанием окружающих. Он учился общаться с миром знаками и языком кощунственной символики, а его тщеславие уже во весь голос заявило о себе и требовало признания и поклонения. После инсценировки совершеннолетия истинный наследник Британик оказался еще дальше оттесненным от власти, когда Нерон однажды по велению матери появился в неподражаемом одеянии триумфатора. Это было настоящим фурором, а заодно – святотатством и попиранием норм приличия, но кто мог посметь возразить августу и ее всесильным советникам, которые умели создавать все новые поводы для возвеличивания еще ничем не отличившегося Нерона. А он, наученный Сенекой, уже с трибуны обещал подарки преторианцам, а народу – раздачу хлеба и денег. Но проблема самого Нерона заклю-

чалась в создании искаженного представления о самом себе: не делая ровным счетом ничего, балуя свое тело нескончаемыми гуляниями и пирами, он с подачи влиятельного окружения начал думать о себе как о великом, отмеченном богами, человеке. Причем разрыв между реальностью и представлением рос с каждым годом, с каждым днем...

Наконец, прошло еще немного времени, и Агриппина добилась от дряхлого Клавдия бракосочетания шестнадцатилетнего Нерона с дочерью принцепса Октавией. Незамужняя девушка казалась опасной идущему к власти тандему матери и сына. Кроме того, очень скоро Агриппине пришлось снова спешить: старик Клавдий чуть было не остановил их триумфальное шествие к власти.

Сгорая от желания приблизиться к власти, Агриппина стала слишком пренебрегать осторожностью. Кажется, яркий свет могущества стал ослеплять и обжигать ее, как факел чересчур близко подлетевшего мотылька. А ведь у нее, как прежде у Мессалины, было очень много врагов, желающих возвыситься, спровоцировав падение первой женщины государства. Потому-то после робких нашептываний со всех сторон Клавдий вдруг изменил свое отношение к Нерону и даже намекнул на расправу с зарвавшейся супругой. Ответные действия последовали незамедлительно: отравление грибами, блокирование дворца после смерти принцепса и многочасовое манипулирование информацией о его состоянии – до того момента, пока в сопровождении преданного начальника гвардии и его беспощадных преторианцев миру не явился новый хозяин Палатина – цезарь Нерон. Многие растерялись от напора Агриппины, а возмущенным не дали опомниться – настолько скоро совершились все события и настолько продуман был «мирный переворот».

У врат ада

Боязливый шестнадцатилетний юноша, посаженный на трон матерью, учителем-философом и начальником городских когорт, он с опаской оглядывался на окружающий мир, не позволяя своим истинным ощущениям завладеть душой.

Император, несмотря на юные годы, был давно сформировавшейся личностью, готовой в полной мере раскрыть свои темные стороны. И может быть, веди Агриппина, Сенека и Афраний Бурр единую и согласованную игру, они бы очень долго манипулировали слабовольным и легко поддающимся внушениям Нероном. Первые годы правления были как заученная речь, умело написанная рукой Сенеки. И хотя Дион Кассий настаивает, что в этот период Нерон больше подчинялся матери, логичнее будет предположить, что влияние на принцепса было умеренным. Так или иначе, он демонстрировал показную щедрость и немислимую для властителя покладистость, а запомнившейся фразой этого периода стал ответ Нерона на благодарность сената: «Я еще должен ее заслужить».

От имени Нерона был проведен ряд законов и решений, поднявших авторитет сената, судов да и самого принцепса как взвешенного и вменяемого правителя. Но когда наступление началось на саму власть, Нерон, уже вкусивший ее прелести, продемонстрировал свое истинное лицо. Это было лицо слабого человека, волею случая оказавшегося на вершине человеческого могущества, непризнанного, но жаждущего признания, боязливого, но желающего казаться сильным, неспособного, но стремящегося к похвалам и аплодисментам любой ценой. К своей истинной природе он подступался осторожно, шаг за шагом, страшась, главным образом, низвержения и предательства. Он уже был хорошо ознакомлен с пороками и сознательно желал их испытать.

Как и Калигула, познание своих темных сторон он начал с бесшабашных и относительно безобидных ночных походов по Риму с драками, насилием и демонстрацией силы. Это было испытание власти на прочность: он еще не знал, куда ее можно применить, и потому пробовал, как ростовщик золотую монету, на зуб. Хотя ночные стычки порой оказывались кро-

вавыми, они не затрагивали интересы правящего класса и потому рассматривались как нелепые забавы принцепса, которые со временем пройдут. Но эти отдающие гнилью развлечения со временем не прошли, и то, что общество легко их приняло, способствовало дальнейшему освобождению Нерона от оков морали. Цезаря начала поглощать пучина истощающих сознание оргий, а он все проверял пределы возможного, разрешенного, не осуждаемого. Первым же действительно вопиющим поступком Нерона стало убийство сводного брата Британика, которого он легко и бестрепетно отравил, обставив сцену не без налета театральности. Вседозволенность настолько захлестнула Нерона, что он удивил даже свою беспринципную мать. Что же касается учителей-советников, то они впервые осознали: монстр вырос и грядут раскаты смертоносного грома.

И что же произошло?! Ровным счетом ничего, ибо пугливые отцы отечества уже просчитали, что лучше не противоречить решениям главы государства. Многие из них еще помнили погромы Калигулы, и образ возмужавшего Нерона не сулил им ничего хорошего. Объясняя причины молчания влиятельных людей Рима после откровенного отравления Нероном сводного брата и кровного родственника, один из исследователей предлагает обратиться к римской мифологии и истории. Уничтожение родни, и в том числе ближайшей, оправдывалось интересами государства. Брат Ромул убил своего брата Рема и стал «божественным основателем Города» – так начинается римская история, в которой этот эпизод лишь первый в нескончаемом списке убийств. Потому в этой цепи исторических событий и интерпретаций сентенция: «Нерон убил своего брата Британика и тем самым спас государство от кровавой гражданской войны» – выглядит вполне убедительно. По меньшей мере, в глазах тех, кто оправдывал действия молодого цезаря. А ведь он совершил это ненужное убийство (Британик был безобидным щедедушным юношей, напоминая Нерону своим существованием лишь о том периоде, когда при жизни императора Клавдия у них случались перебранки) еще в первый год своего правления... Может быть, злопамятный Нерон просто решил отомстить за прежние обиды и детские оскорбления? А заодно и испытать, насколько далеко можно зайти в своем желании уничтожать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.